

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 163–175

© The Author(s) 2026

DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-163–175

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 163–175

© Автор(ы) 2026

К ВОПРОСУ О IUS CONUBII РИМСКИХ ЦЕНТУРИОНОВ

Е.С. Иванова

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия*

E-mail: ivelina777@yandex.ru

ORCID: 0009-0005-0023-803X

В статье рассматривается вопрос о праве римских центурионов на законный брак. На основе эпиграфических данных и юридических источников изучаются социальные и демографические аспекты семей этих офицеров с целью выявить признаки их правового признания или его отсутствия. Устанавливается, что многие семьи центурионов отличаются высоким социальным положением и выглядят юридически признанными. В то же время выявляется общая редкость заключения браков центурионами и их поздний брачный возраст. Принимая во внимание неоднозначность сведений, делается осторожный вывод, что центурионы получали право оформить законный брак по достижении срока службы, необходимого для почетной отставки.

Ключевые слова: центурионы, римский брак, ius conubii, «брачный запрет», латинская эпиграфика

«Римский брак – это вопрос намерения: если вы живете как муж и жена, значит вы и есть муж и жена»¹. Такое емкое определение римскому браку дал американский исследователь Дж. Крук в середине прошлого столетия. В самом деле, для заключения законного брака (iustum matrimonium) от римлян требовались только правоспособность (ius conubii), согласие обеих сторон и их намерение создать семью². Несмотря на формальную простоту заключения браков, далеко не каждый союз мужчины и женщины имел законный статус. Некоторые категории римских граждан в результате реформ Августа были лишены права conubium и поэтому не могли вступать в законный брак³. Наиболее многочисленной категорией населения, попавшей под действие так называемого «брачного запрета», были рядовые солдаты⁴. Точно неизвестно, в рамках какого установления был введен данный запрет, однако его действие сохранялось вплоть до конца II в. н. э. (197 г.), когда его отменил Септимий Север (Herodian. III. 8. 5).

Данные об авторе. Елена Сергеевна Иванова – аспирант, младший научный сотрудник кафедры истории Древнего мира и Средних веков ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Работа подготовлена при поддержке гранта РНФ, проект №25-28-00997 «Память о предках и конструирование родства в периоды социально-политических трансформаций античных и средневековых обществ».

¹ Crook 1967, 101.

² Treggiari 1991, 37–49.

³ Treggiari 1991, 61–66.

⁴ Treggiari 1991, 64.

Среди возможных причин запрета солдатских браков Августом исследователи называют повышение мобильности войска и сокращение расходов на жалование солдат⁵. С этой точки зрения отсутствие женщин и детей облегчало передвижение солдат на марше, а также исключало проблему их размещения и содержания. В историографии существуют и другие мнения относительно мотивов Августа при установлении «брачного запрета»⁶. Не рассматривая их все, остановимся только на одной теории, важной для восприятия последующего материала. Эта теория представлена в новой и наиболее полной работе о солдатских браках С. Фанг, в которой для понимания брачной политики Августа предлагается обратить внимание на ее культурный контекст⁷. С. Фанг отмечает, что в римской ментальности воинская дисциплина была несовместима с присутствием женщин в военном лагере. Главная воинская добродетель, *virtus*, противопоставлялась стереотипным женским порокам (нехватке самообладания, пристрастию к роскоши), а отношения с женщинами представлялись опасными и приводящими к распространению этих пороков среди воинов. В этом отношении запрет на брак был призван формально отделить солдат от женщин и сохранить тем самым маскулинность римского войска⁸. Вместе с этим «брачный запрет» подчеркивал символическое различие между военной и гражданской жизнью. Если правом и обязанностью обычного гражданина по закону Папия и Поппея были семейная жизнь и воспитание детей, то для воина домашний очаг находился в его лагере⁹. Отрицая законность семейных связей римских солдат и исключая их таким образом из гражданской общины, «брачный запрет» тем самым позволял использовать армию для контроля и, при необходимости, подавления гражданского населения. Таким образом, «брачный запрет» действительно повышал эффективность римской армии, легитимируя ее использование для устрашения не только противников империи, но и подданных римского императора¹⁰. Несмотря на стройность аргументов С. Фанг, вопрос о причинах установления «брачного запрета» остается дискуссионным.

Стоит отметить, что отсутствие права *conubium* у солдат не означало действительного запрета на сожительство с женщинами или образование семьи, а подразумевало, что такой союз является неформальным (*matrimonium iniustum*) и не влечет за собой правовых последствий законного брака¹¹. По этой причине дети, рожденные в таком браке, не попадали под отцовскую власть и не могли наследовать его имущества по закону¹². Об этом явно свидетельствуют папирусы из частной коллекции Cattaoui, на которых сохранились краткие протоколы судебных заседаний префектов Египта по семейным делам римских солдат (Chr. Mitt. 372).

Также не существовало законного способа передать приданое для оформления такого союза, а значит, и легальной возможности вернуть его женщине в слу-

⁵ Watson 1969, 134; Keppie 1984, 148; Campbell 1994, 151–152; подробный обзор историографии по теме см.: Phang 2001, 345–350.

⁶ См. Wells 1998, 188; Carrié 1989, 109.

⁷ Phang 2001, 344–383.

⁸ Phang 2001, 382–383.

⁹ Ср. Tac. Hist. III. 84. 2: «Честь воина – в лагере: там его родина, там его пенаты».

¹⁰ Phang 2001, 380–381.

¹¹ Phang 2001, 200.

¹² Phang 2001, 38–39.

чае развода или смерти мужа¹³. Согласно римскому праву, приданое, предназначенное для незаконного брака, подлежало изъятию в пользу государства (Dig. 23. 2. 61). Однако папирусные документы свидетельствуют, что незаконно переданное приданое солдатских жен оставалось в собственности воинов при прекращении их неформального союза (Chr. Mitt. 372, 6). Получается, что ответственность за незаконный брак несла только женщина.

Если по проблемам правового положения солдатских семей в историографии стало больше ясности благодаря публикациям папирусных документов, то вопрос о том, какие ранги военнослужащих попадали под действие «брачного запрета», является дискуссионным¹⁴. Право *conubium* определено было у высших офицеров и командующих из всаднического и сенаторского сословий¹⁵. Прямых свидетельств о правовом статусе семей центурионов не сохранилось. Это обстоятельство, а также срединное положение центурионов в военной иерархии затрудняют решение проблемы о распространении действия «брачного запрета» на этих офицеров¹⁶.

В современной историографии можно выделить три подхода к вопросу о правовом статусе семей центурионов. Большинство исследователей признает, что у центурионов было право *conubium* и их браки были законными¹⁷. В качестве аргументов сторонники этой точки зрения приводят высокий социальный статус самих центурионов и их детей, достигавших порой значимых всаднических и сенаторских позиций¹⁸. Кроме того, приверженцы такой позиции обращают внимание на археологические свидетельства, в частности, на отдельные и достаточно просторные жилые помещения для этих офицеров, в которых нередко находят женские и детские артефакты¹⁹. Исследователи также обнаруживают более высокий процент семейных центурионов в сравнении с рядовыми солдатами²⁰ и указывают на совпадения имен отцов и детей в семейных эпитафиях офицеров, что должно свидетельствовать о законнорожденности этих детей²¹. Хотя все представленные аргументы кажутся убедительными, ни один из них прямо не подтверждает наличия права *conubium* у центурионов²².

Примечательно, что сторонники альтернативной точки зрения, согласно которой центурионы попадали под действие «брачного запрета», также указывают на социальный статус этих офицеров²³. Эти исследователи подчеркивают различие между краткосрочными всадническими должностями (*militiae equestres*) и долгосрочными позициями профессиональных воинов (*milites caligati*), к которым относились и центурионы²⁴. Если всадникам запрещалось вступать в законный брак только с жительницами той провинции, где они служили, то логичным выглядит предположение о том, что полному «брачному запрету» подвергались все остальные служащие, относящиеся к категории *milites caligati*. Соответственно,

¹³ Phang 2001, 34–38.

¹⁴ Phang 2001, 130.

¹⁵ Grubbs 2002, 157–158.

¹⁶ Manklow 2020, 34.

¹⁷ Manklow 2020, 35.

¹⁸ Dobson 1970, 110; Hoffmann 1995, 110; Cherry 1989, 128.

¹⁹ Hassall 1999, 35.

²⁰ Cherry 1985, 55.

²¹ Hassall 1999, 35.

²² См. также: Ward 2012, 177; Greene 2011, 89–90.

²³ Watson 1969, 134.

²⁴ Jung 1982, 340–341. Ср. Friedl 1996, 255.

всаднический ранг должен был являться пределом для общего запрета на брак²⁵. Стройность данного объяснения нарушается, однако, существованием центурионов, происходивших из всаднического сословия, а также спорностью термина «*milites caligati*», который в разных контекстах используется для определения различных групп воинов²⁶, в том числе для обозначения нескольких должностей рядовых ауксилариев (*gregales*, *immunes*, *principales*) при необходимости отделить их от командовавших ими центурионов и декурионов. По-видимому, центурионы имели более высокий социальный статус, чем *milites caligati*, поэтому их привилегии и ограничения могли существенно отличаться.

Слабые стороны гипотезы о распространении «брачного запрета» на центурионов были учтены в компромиссной теории С. Фанг. Исследовательница предполагает, что центурионы получали право *conubium* по достижении срока службы, необходимого для почетной отставки рядовых легионеров²⁷. В таком случае центурионы из эвокатов своего права на брак также не теряли. Спорным остается положение центурионов из всадников. Хотя представляется маловероятным, что при назначении на должность они лишались права на законный брак на следующие 20 лет. Если теория С. Фанг верна, то внутри центурионата должна была существовать особая группа служащих (происходивших из рядовых легионеров), временно ограниченных в праве вступать в брак. На первый взгляд, наличие такой группы не противоречит в целом неоднородному составу центурионов, среди которых были военные разных возрастов, статусов и рангов. Однако по размеру жалованья и уровню привилегий выделяются только три ранга этих офицеров: *primi ordines* и центурионы II–X когорт, а возможность перехода в I когарту не зависела от социального происхождения центуриона²⁸. Поэтому при условии, что сами военнослужащие рассматривали право *conubium* как привилегию, ограничение в этом праве, обусловленное только социальным происхождением, могло оказывать негативное влияние на формирование корпоративного единства центурионов.

Таким образом, неоднородность состава центурионов по социальному происхождению и их срединное положение как в военной иерархии, так и в римском обществе создают дополнительные сложности в решении проблемы о правовом статусе семей этих офицеров. В данной статье на основе комплексного анализа эпиграфических материалов и юридических документов будут изучены социальные и демографические характеристики семей центурионов с целью выявить признаки их юридического признания или его отсутствия и определить тем самым правовой статус этих семей.

На первый взгляд, учитывая особую роль центурионов в формировании и поддержании воинской дисциплины, их многочисленные обязанности и безусловную верность императору, право *conubium* кажется противоречащим служебной этике этих офицеров. Если же принять во внимание политические мотивы установления «брачного запрета», согласно которым семейные связи рядовых солдат с гражданскими лицами ограничивались для более эффективного использования армии

²⁵ Phang 2001, 131–132.

²⁶ Manklow 2020, 60–67.

²⁷ Phang 2001, 132.

²⁸ Dobson 1974, 407–409.

для контроля или подавления населения²⁹, то семейные отношения центурионов, командовавшими этими солдатами, представляются еще более недопустимыми.

Однако семейные связи с гражданскими лицами могли представлять опасность только при условии, что семья военного была глубоко интегрирована в местное общество в регионе прохождения службы. Семьям центурионов было сложнее интегрироваться в местные общества из-за частых перемещений этих офицеров с одного места службы на другое. Так, Вибия Паката, жена центуриона Флавия Верекунда, последовала за супругом из родной Паннонии в Северную Африку, а оттуда в Британию (RIB 3504)³⁰. Также из Паннонии вслед за мужем-центурионом переехала в Германию Юлия Эмерита (AE 1990, 761). Наиболее показательным является пример Клавдии Марции Капитолины (ILS 2658), чей супруг, центурион Марк Петроний Фортунат, за время своей карьеры послужил в 13 легионах в разных провинциях (от Британии до Африки)³¹. Как верно заметила Л. Алласон-Джонс, жены центурионов (вне зависимости от своего правового статуса) путешествовали значительно чаще, чем другие женщины Римской империи³².

Примечательно, что обязанность жены последовать за мужем, «куда бы он ни отправился», могла быть прописана в брачном соглашении, о чем упоминает Папиниан в 4-й книге «Ответов». Интересно, что в качестве примера юрист приводит соглашение центуриона и его супруги (Dig. 23. 4. 26. 3). Само по себе свидетельство Папиниана, датируемое к тому же 198–211 гг., т.е. периодом уже после отмены «брачного запрета», ничего не говорит о правовом статусе жены центуриона, поскольку соглашение могло иметь место и в незаконном браке (*matrimonium iniustum*). Однако выбор центуриона и его супруги для иллюстрации данного положения указывает на то, что брачные соглашения на случай частых переездов мужа были особо актуальны именно для семей этих офицеров. Соответственно, высокую горизонтальную мобильность можно считать характерной чертой семей центурионов, о которой было известно и римским законоведам. Данная особенность действительно могла препятствовать глубокой интеграции семей этих офицеров в местные провинциальные сообщества, что в свою очередь способствовало укреплению их связей с военными структурами и предотвращало таким образом негативное влияние этих семей на воинскую дисциплину и военно-политическую эффективность римской армии.

Итак, при рассмотрении практических аспектов семейной жизни центурионов обнаруживается, что наличие семьи у этих офицеров не противоречило политическим целям установления «брачного запрета». Для достижения этих целей в случае с центурионами кажется достаточным ограничить их в праве на брак с женщинами, жившими в той провинции, где проходила служба офицера, как это было установлено для командиров всаднического ранга. Тем не менее для подтверждения этого тезиса стоит изучить другие особенности семей центурионов и их связи с причинами действия «брачного запрета».

Наше исследование специфики семей центурионов основывается на сведениях 329 надгробных надписей, происходящих с территорий практически всех провинций Римской империи и датируемых в основном периодом от установления

²⁹ Phang 2001, 383.

³⁰ Foubert 2013, 396.

³¹ Махлаюк, Негин 2021, 365.

³² Allason-Jones 2005, 49.

принципата до 235 г. н. э. В этих надписях центурионы представлены в двух ролях: либо как лица, в память о которых воздвигнуты монументы, либо как инициаторы их создания. Изучение данных источников было начато с проведения статистического анализа и установления процентного соотношения надписей, в которых упоминаются центурионы с женами и/или детьми, и эпитафий безбрачных офицеров. Для реализации целей данной работы достаточно привести только часть результатов проведенного анализа. Так, стоит отметить, что соотношение центурионов с женами и детьми и их безбрачных коллег получается примерно таким же, как и среди рядовых солдат³³. В эпитафиях центурионов, датированных I в. н. э., жены и дети упоминаются в 11% случаев. В надгробных надписях II в. н. э. этот показатель возрастает до 50%. В III в. н. э. количество эпитафий семейных центурионов достигает 75%.

Отсутствие сведений о членах семьи в эпитафиях необязательно означает, что их не было в реальной жизни центуриона³⁴. Такое умолчание могло быть связано с ценностными приоритетами офицеров. Некоторые из них, возможно, в большей степени стремились сохранить о себе память как о доблестных воинах, нежели как о примерных семьянинах. Подобное стремление представляется вполне закономерным для офицера, посвятившего жизнь военной службе. Это предположение косвенно подтверждается эпиграфическими традициями, характерными для разных групп центурионов. Так, в надписях с подробным описанием карьеры и перечислением трех и более занимаемых постов, жены и дети упоминаются только в 23% случаев, в то время как в эпитафиях с кратким указанием на одну или две должностные позиции это число достигает 63%. Также, стоит отметить, что общее количество эпитафий с подробным описанием карьеры резко сокращается в начале III в. н. э. Если ко II в. н. э. относится 11% таких надписей, то к III в. н. э. – только 3%.

Таким образом, в начале III в. н. э. вместе с увеличением количества эпитафий семейных центурионов наблюдается значительное снижение числа надгробных надписей с детальным описанием карьеры. В связи с этим можно предположить, что в этот период в ценностных установках центурионов произошли изменения и роль отца семейства стала более совместимой с положением военнотружущего и более значимой для определения социального статуса этих офицеров.

Причиной изменения ценностных установок центурионов, отразившихся в их поминальных практиках, могло быть предоставление им права на законный брак Септимием Севером в 197 г. н. э. В таком случае центурионы вместе с правом *conubium* получали возможность официально носить статус *pater familias* и иметь законных детей под своей властью. Тогда распространение семейных монументов центурионов могло быть связано как с увеличением реального количества офицеров с женами и детьми, так и с появившимся стремлением увековечить достижение нового статуса.

Кроме того, новый почетный статус, достижение которого римляне также обычно отмечали в мемориальном искусстве, в конце II в. н. э. появляется не только у центурионов, но и у их сыновей. Начиная с правления Коммода получает распространение практика дарования сыновьям центурионов всаднического

³³ См. Phang 2002, 365.

³⁴ См. Carroll 2006, 182.

статуса в знак признания служебных заслуг их отцов³⁵. Причем известны дети, получившие этот титул в самом раннем возрасте. Так, Гай Юлий Непотиан, сын центуриона VIII Августова легиона Юлия Валента, ушел из жизни в возрасте двух лет, успев при этом получить статус римского всадника (AE 1976, 494).

В римском мемориальном искусстве дети, которые, подобно Непотиану, значительно превзошли своих родителей в социальном статусе, часто изображались в традиции *puer senex* (зрелый ребенок), т.е. с атрибутами взрослой жизни, которую они могли бы вести в соответствии со своим новым положением, если бы смерть не настигла их так рано³⁶. Эта традиция была особо распространена в поминальных практиках вольноотпущенников. Такими памятниками они выражали не только горе и чувство утраты, но и несбывшиеся надежды на будущее своей семьи, которой их дети со статусом свободнорожденных римских граждан должны были обеспечить высокое социальное и материальное положение³⁷. Как показывают отдельные монументы, изображение детей в традиции *puer senex* было свойственно и римским военнотружущим. Например, трехлетний Аврелий Клавдиан, также награжденный переводом во всадническое сословие за службу своего отца-протектора, представлен на памятнике скачущим на лошади с венком в руке (CIL VI, 1595). Хотя подобных изображений детей центурионов на данный момент неизвестно³⁸, само указание статуса всадника, несоответствующего возрасту ребенка, может свидетельствовать о чаяниях его семьи, которой ребенок-всадник мог принести достойный уровень жизни и высокое место в социальной иерархии³⁹.

Итак, практика награждений привилегированным статусом сыновей центурионов также могла способствовать распространению семейных монументов этих офицеров в начале III в. н. э. Теперь, когда всаднический статус сына свидетельствовал о служебных успехах отца, семья центуриона становилась институтом, позволявшим аккумулировать достижения предков и улучшать тем самым свое социальное положение в будущих поколениях. Тем не менее появление такой практики до отмены «брачного запрета» вызывает сомнения в том, что центурионы попадали под его действие.

Таким образом, статистические данные эпитафий с относительно редкими упоминаниями жен и детей центурионов в I–II вв. н. э. и значительным увеличением таких упоминаний в начале III в. н. э. могут свидетельствовать только об изменении ценностных установок центурионов: если в период раннего принципата центурионы стремились подчеркнуть в эпитафиях свои служебные достижения, создавая образ доблестных воинов, то к правлению династии Северов этот образ гармонично дополнился ролью отца семейства. Причины таких изменений могут быть связаны с брачно-семейной политикой римских императоров, включая отмену действия «брачного запрета» и практику дарования всаднического статуса сыновьям центурионов. Однако, поскольку награждения детей этих офицеров на-

³⁵ Davenport 2012, 104, 106, 116.

³⁶ Davenport 2012, 114.

³⁷ Davenport 2012, 114. См. также: Mander 2013, 60; Rawson 2003, 183.

³⁸ См. CIL V, 914 с единственным на данный момент изображением ребенка центуриона. Трехлетний мальчик изображен с птицей — традиционным атрибутом детей в мемориальном искусстве (Mander 2013, 7, 26, 37).

³⁹ Davenport 2012, 114.

чались до отмены «брачного запрета», вопрос о распространении данного ограничения на центурионов остается открытым.

Переходя к детальному рассмотрению эпитафий с упоминаниями жен и/или детей центурионов, отметим, что эти инскрипции содержат сведения о 101 женщине, проживавшей в браке с офицером. Во всех надписях эти женщины называются терминами *coniux* или *ixor*, которые в других контекстах обычно используются для обозначения законных жен⁴⁰. В отдельных случаях жены центурионов могли иметь даже прозвание матроны, т.е. почтенной матери семейства. Такой неофициальный титул носила Юлия Гермiona, супруга Юлия Севера, центуриона V Македонского легиона (CIL III, 222). Выбор этих терминов предполагает, что сами офицеры воспринимали живших с ними женщин как своих законных супругов.

Социальный статус большинства женщин был достаточно высоким. Около 78% жен центурионов были римскими гражданками и носили римские имена⁴¹. Некоторые из них происходили из военного сообщества и состояли в родстве с сослуживцами центурионов. Так, дочь гастата Грания Нигелла стала женой примипила Гая Косия Флора (SEG 33, 1195; AE 1984, 893), а дочь примипила Анния была замужем за центурионом Аврелием Филиппом (CIL III, 10503). Интересный случай представлен в почетной надписи из Сирии, в которой центурион Юлий Кандидий перечисляет заслуги другого центуриона Гнея Юлия Руфа, приходившегося ему дядей и тестем (AE 1998, 1435). Браки с двоюродными сестрами, вероятно, не были редкостью на востоке империи⁴².

Сведения о возрасте вступления в брак избранниц центурионов немногочисленны и противоречивы. Отдельные эпитафии свидетельствуют, что брак с центурионом был первым для женщины. Так, Валерии Гемине (CIL III, 14216, 10) и Сертории Фесте (CIL XIII, 1893) исполнилось только 17 лет, когда их мужья-центурионы поставили им скорбные памятники. Кассия Квартина (CIL III, 12239) и Клодия Секунда (AE 1901, 140) умерли в 25 лет. Но супруг Клодии, центурион городской когорты, также указал, что эта женщина к моменту своей смерти прожила с ним в браке 7 лет без единой ссоры. Ранний возраст вступления в брак также предполагается в надписях с упоминанием длительной продолжительности совместной жизни. Маловероятно, что Аврелия Юния, жена центуриона Элия Эквестора, прожив с ним в браке 60 лет, вышла замуж позднее 20 лет (AE 1990, 852). Хотя возраст 17–20 лет совпадает со средним брачным возрастом римских женщин, определяемым в историографии 16–20 годами, невозможно утверждать, что все избранницы центурионов выходили замуж в этом возрасте. По крайней мере одно исключение известно из эпиграфики. В эпитафии Ветурии, супруги центуриона Тита Юлия Фортуната, сообщается, что она вступила с ним в брак в 27 лет (CIL III, 3572). Помимо данного исключения, стоит учитывать, что средняя продолжительность римского брака составляла 14 лет, но, как подчеркивает Б. Шоу, многие союзы распадалась и раньше из-за смерти одного из супругов⁴³. Этот демографический аспект римского брака позволяет С. Фанг предположить, что среди солдатских невест могли быть

⁴⁰ Treggiari 1991, 6.

⁴¹ Еще 10% женщин также имели римское гражданство, но их имена были греческого или иного происхождения. Только для 3% женщин указан статус вольноотпущенниц, и в 9% случаев этот статус предполагается в связи с особым именем женщины.

⁴² См., например: Scheidel 1997.

⁴³ Shaw 2002, 240–241.

и молодые вдовы их сослуживцев⁴⁴. Такое предположение допустимо распространить и на невест центурионов. Но принимая во внимание возможность повторного брака для избранниц центурионов, стоит отметить, что их возраст даже в таком случае едва ли превышал 28–30 лет, поскольку этими годами ограничивается средняя продолжительность жизни жен центурионов по данным их эпитафий. По всей видимости, невесты центурионов не были значительно старше женщин, выходивших замуж за гражданских мужчин.

Для установления брачного возраста самих центурионов можно применить метод, предложенный в работах Сэллера и Шоу⁴⁵. Он основан на подсчете людей, умерших в определенном возрасте. В каждой возрастной группе отдельно считаются люди, похороненные родителями и поминаемые супругами. Затем строится график соотношения возраста и числа умерших с двумя кривыми, обозначающих заказчиков надписей (родителей или супругов). Точка пересечения этих кривых указывает на средний возраст вступления в брак. Поскольку среди заказчиков эпитафий центурионов часто встречаются вольноотпущенники или наследники вне родственного круга, для более точного определения их брачного возраста представляется необходимым добавление третьей кривой (рис. 1).

Рис. 1. Заказчики эпитафий для центурионов

Итак, точка пересечения кривых, обозначающих количество центурионов, поминаемых родителями и женами, указывает на возрастной промежуток 30–39 лет. Однако, начиная с этого возрастного диапазона и до 49 лет, наблюдается возрастание численности не только центурионов, похороненных супругами, но и тех, чью память почтили вольноотпущенники и другие наследники. Одновременное возрастание двух кривых и их второе пересечение в точке 60–69 лет фактически иллюстрирует общую статистику соотношения семейных и холостых центурионов, представленную выше. Это подтверждает, что брачные союзы действительно создавала только половина центурионов. Их средний возраст на момент вступления в брак по данному графику (с небольшим округлением) составляет 35–45 лет. Это значительно превышает брачный возраст гражданских мужчин, создававших семьи в 25–30 лет⁴⁶, но совпадает с показателями, подсчитанными С. Фанг для рядовых

⁴⁴ Phang 2001, 177.

⁴⁵ Saller 1987; Shaw 1987.

⁴⁶ Saller 1987, 34.

солдат, которые начинали обзаводиться семьями в 37 лет⁴⁷. Отметим, что самым почтенным был возраст примипила Элия Клавдиана, заключившего брак предположительно со своей вольноотпущенницей Элией Ирэной в 64 года (CIL VI, 3551).

Поздние браки центурионов предполагают существенную разницу в возрасте между ними и их женами. Большая разница в возрасте между супругами в целом характерна для «средиземноморского» типа брака и была распространена в семьях обычных римских граждан⁴⁸. Тем не менее этот демографический аспект семьи центуриона весьма примечателен, поскольку выбор в качестве супруги женщины детородного возраста с высоким социальным статусом может свидетельствовать о намерении жить именно в браке и воспитывать детей. Такое намерение, как было отмечено выше, отличает римский брак от других форм сожителства.

Что касается детей центурионов, то в эпитафиях они упоминаются достаточно редко. Всего известно 86 детей из 52 надгробных надписей. По этим данным, среднее число детей в семьях центурионов составляет 1,5 для I–II вв. н. э. и 1,8 для начала III в. н. э. Мальчики встречаются чаще, чем девочки, в соотношении 129:100, что значительно выше естественного уровня, составляющего 105 мальчиков на 100 девочек⁴⁹. Такие показатели, возможно, связаны с традициями поминовения. Мужчины чаще упоминаются на памятниках, посвященных их кровным семьям, в то время как женщины преимущественно встречаются в контекстах семей их мужей.

В самом деле, некоторые дочери центурионов известны из эпитафий, созданных их супругами. Процитируем для примера паннонскую надпись II в. н. э.: «... Ульпии Антонилле, дочери Ульпия Кандидиана, центуриона, Тит Элий Верин, декурион колонии Аквинцензий, фламин, дуумвир, жрец города Рима, супруге благочестивейшей, которая прожила 24 года» (CIL III, 3368)⁵⁰. Обычно при имени римской гражданки указываются только *praenomen* и *cognomen* ее отца⁵¹. В таком случае родство с центурионом установить было бы сложно. Поэтому нехарактерное для эпитафической традиции указание должности отца в данной надписи действительно позволяет предположить, что дочери центурионов недостаточно представлены в эпитафиях в силу культурных норм, и реальное соотношение девочек и мальчиков в семьях центурионов было близким к естественному уровню. Также примечательно в данной надписи свидетельство о браке дочери центуриона с представителем муниципальной аристократии. Для заключения подобного брака требовалось хорошее приданое. Упоминание Титом Элием Вериним имени и должности своего тестя в эпитафии, также нетипичное в поминальных практиках, может служить признаком взаимоуважительных отношений тестя и зятя и отсутствия серьезных конфликтов между ними. Поэтому нет оснований предполагать наличие споров о приданом в семье этого центуриона. Назначение центурионом приданого дочери свидетельствует о том, что офицер признавал ее своим законным ребенком. Кроме того, само стремление Тита Элия Верина сохранить память о браке с дочерью центуриона указывает, что их союз был социально одобряемым, и статус Ульпии Антониллы соответствовал положению ее мужа.

⁴⁷ Phang 2001, 167.

⁴⁸ Saller 1987, 34.

⁴⁹ Phang 2001, 299.

⁵⁰ Здесь и далее перевод наш, если не указано иное.

⁵¹ Caldelli 2015, 583.

Должность отца рядом со своим именем указывали и сами женщины при заказе надгробных надписей. Например, в эпитафии II–III вв. н. э. из Мезии сообщается: «Ульпий Гортензий прожил 20 лет, и Ульпий Балимбер прожил 18 лет. Коккея Гортензия, дочь Коккея Гортензия, центуриона XI Клавдиева легиона, жена Ульпия Балимберия, принцепса I Италийского легиона, сыновьям благочестивейшим сделала» (AE 1988, 1003). Упоминание должности отца Коккеи Гортензии может свидетельствовать о важности его звания для ее самоидентификации и демонстрации социального статуса. Маловероятно, что подобная гордость происхождением из семьи центуриона могла быть у незаконнорожденного ребенка.

Происхождением из семьи центуриона гордились и сыновья этих офицеров. Так, в почетной надписи италийского муниципального аристократа Гая Фабия подчеркивается, что не только его отец, но и его дед носили титул примипилара (CIL XIV, 349). Если дочерям отец-центурион мог обеспечить достойное приданое, как показывает случай с Ульпией Антониллой, то сыновья, по-видимому, получали возможности для быстрого развития карьеры. Гай Нервилий Юст, сын флотского центуриона, начал военную карьеру не во флоте, подобно отцу, а в привилегированной преторианской гвардии (AE 1978, 257). Луций Сервий Сабин, сын примипила, пошел по стопам отца и стал центурионом VI Победоносного легиона (AE 1903, 77). Гай Валерий Плавтиан, также сын примипила, перешел в сословие римских всадников и стал представителем муниципальной аристократии, исполняя должности понтифика и дуумвира (AE 1957, 294). Пример блестящей карьеры и личных достоинств сына примипилара приводит Тацит при изложении биографии Гельвидия Приска: «Гельвидий Приск родился... от отца примипилария. Как гражданин и сенатор, как муж, зять и друг, он был всегда неизменен: презирал богатство, неуклонно соблюдал справедливость и не ведал страха» (Tac. Hist. IV. 5. Пер. Г.С. Кнабе). Однако карьерные перспективы сыновей центурионов не ограничивались только возможностью занять место в сенате. Сын и внук центурионов, Тит Флавий Веспасиан, стал императором Римской империи (Suet. Vesp. 1).

Высокий социальный статус детей центурионов и гордость некоторых из них своим семейным происхождением предполагает их рождение в законном браке. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что все центурионы имели право вступать в законный брак и производить на свет законнорожденных детей на протяжении всего периода военной службы. Немногочисленность женатых центурионов и их поздние браки свидетельствуют, что определенные ограничения для создания семьи существовали. Тем не менее эти ограничения могли быть связаны не только с отсутствием права *conubium*, но и со спецификой служебной деятельности этих офицеров, предполагавшей частые переезды и исполнение многих обязанностей. В тех случаях, когда подобные препятствия удавалось преодолеть, семьи центурионов выглядят юридически признанными, отличаются высоким социальным положением и следуют традиционным римским ценностям благочестия (*pietas*) и единодушия (*concordia*), что можно проиллюстрировать следующей эпитафией: «Богам Манам. Гай Юлий Валент, сын Гая, центурион V Македонского легиона, родом из Амасии, прожил 50 лет, прослужил 30 лет. Валерия Фронтиня супругу и Юлия Адриана, Юлий Юлиан, Гай Юлий Валентин, дети, отцу благочестивейшему [памятник] поставили» (CIL III, 14214, 10).

Таким образом, исследование социальных и демографических аспектов семей центурионов не приводит к однозначному решению проблемы их правового статуса. Тем не менее высокое социальное положение жен и детей этих офицеров при общей редкости заключения браков центурионами, по-видимому, подтверждает теорию С. Фанг. Тогда следует признать, что центурионы получали *ius conubii* только по достижении срока службы, необходимого для почетной отставки. В таком случае социальная неоднородность офицерского состава дополняется очередной характеристикой, связанной с правом и возможностью создать официально признанную семью.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Allason-Jones, L. 2005: *Women in Roman Britain*. 2nd ed. York.
- Caldelli, M.L. 2015: Women in the Roman World. In: Ch. Bruun, J. Edmondson (eds.), *The Oxford Handbook of Roman Epigraphy*. Oxford, 582–604.
- Campbell, J.B. 1994: *The Roman Army, 31 BC – AD 337: A Sourcebook*. London; New York.
- Carrié, J.-M. 1989: Il soldato. In: A. Giardina (ed.), *L'uomo romano*. Bari, 105–106.
- Carroll, M. 2006: *Spirits of the Dead: Roman Funerary Commemoration in Western Europe*. Oxford.
- Cherry, D. 1989: Soldiers' Marriages and Recruitment in Upper Germany and Numidia. *Ancient History Bulletin* 3, 128–130.
- Cherry, D. 1985: *The Marriage of Roman Citizens and Non-Citizens: Law and Practice*. PhD Dissertation. Ottawa.
- Crook, J.A. 1967: *Law and Life of Rome*. Ithaca. New York.
- Davenport, C. 2012: Soldiers and Equestrian Rank in the Third Century AD. *Papers of the British School at Rome* 80, 89–123.
- Dobson, B. 1970: The Centurionate and Social Mobility during the Principate. In: C. Nicolet (ed.) *Recherches sur les structures sociales dans l'Antiquité classique*. Caen 25–26 avril 1969. Paris, 99–116.
- Dobson, B. 1974: The Significance of the Centurion and Primipilaris in the Roman Army and Administration. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II. 1, 392–434.
- Foubert, L. 2013: Female travellers in Roman Britain: Vibia Pacata and Julia Lucilla. In: E.A. Hemelrijk, G. Woolf (eds.), *Women and the Roman City in the West*. Leiden–Boston, 391–403.
- Friedl, R. 1996: *Der Konkubinat im kaiserzeitlichen Rom: von Augustus bis Septimius Severus*. Stuttgart.
- Greene, E.M. 2011: *Women and Families in the Auxiliary Military Communities of the Roman West in the First and Second Centuries AD: PhD Dissertation*. University of North Carolina. Chapel Hill.
- Grubbs, J.E. 2002: *Women and the Law in the Roman Empire: A Sourcebook on Marriage, Divorce and Widowhood*. London.
- Hassall, M. 1999: Homes for Heroes: Married Quarters for Soldiers and Veterans. In: A. Goldsworthy, I. Haynes (eds.), *The Roman Army as a Community*. Portsmouth, 35–40.
- Hoffmann, B. 1995: The Quarters of Legionary Centurions of the Principate. *Britannia* 26, 107–152.
- Jung, J.H. 1982: Das Eherecht des römischen Soldaten. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II. 14, 302–346.
- Keppie, L. 1984: *The Making of the Roman Army*. London.
- Makhlayuk, A.V., Negin, A.E. 2021: *Povsednevnyaya zhizn' rimskoy armii v epokhu Imperii*. St. Petersburg.

- Махлаюк, А.В., Негин, А.Е. 2021: *Повседневная жизнь римской армии в эпоху Империи*. СПб.
- Mander, J. 2013: *Portraits of Children on Roman Funerary Monuments*. Cambridge.
- Manklow, C.H. 2020: *Standing by the Standards: Military Rank and Social Status in the Roman West from Augustus to Diocletian: PhD Dissertation. University of Cambridge*. Cambridge.
- Phang, S.E. 2002: The Families of Roman Soldiers (First and Second Centuries A. D.): Culture, Law, and Practice. *Journal of Family History* 27.4, 352–373.
- Phang, S.E. 2001: *The Marriage of Roman Soldiers (13 BC – AD 235): Law and Family in the Imperial Army*. Leiden.
- Rawson, B. 2003: *Children and Childhood in Roman Italy*. Oxford.
- Saller, R. 1987: Men's Age at Marriage and Its Consequences in the Roman Family. *Classical Philology* 82, 21–34.
- Scheidel, W. 1997: Brother-Sister Marriage in Roman Egypt. *Journal of Biosocial Science* 29, 361–371.
- Shaw, B. D. 1987: The Age of Roman Girls at Marriage: Some Reconsiderations. *Journal of Roman Studies* 77, 30–46.
- Shaw, B. D. 2002: 'With Whom I Lived': Measuring Roman Marriage. *Ancient Society* 32, 195–242.
- Summerly, J. R. 1992: *Studies in the Legionary Centurionate: PhD Thesis. Durham University*. Durham.
- Treggiari, S. 1991: *Roman Marriage: Iusti Coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian*. Oxford.
- Ward, G. A. 2012: *Centurions: The Practice of Roman Officership: PhD Dissertation. University of North Carolina*. Chapel Hill.
- Watson, G. R. 1969: *The Roman Soldier*. New York–Ithaka.
- Wells, C. M. 1998: Celibate Soldier: Augustus and the Army. *American Journal of Ancient History* 14.2, 180–190.

TOWARDS THE IUS CONUBII OF ROMAN CENTURIONS

Elena S. Ivanova

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod,
Russia*

E-mail: ivelina777@yandex.ru

The article examines the issue of the right of Roman centurions to legal marriage. Based on epigraphic data and legal sources, the social and demographic aspects of these officers' families are studied to identify signs of their legal recognition or its absence. It is established that many centurions' families are distinguished by high social status and appear to be legally recognized. At the same time, a general rarity of marriage among centurions and their late marital age are revealed. Taking into account the ambiguity of the evidence, a cautious conclusion is made that centurions gained the right to formalize a legal marriage upon reaching the term of service required for honourable discharge.

Keywords: centurions, roman marriage, ius conubii, "marriage ban", Latin epigraphy.
